

**ФОРМУЛА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АНТОНА ЧИЖА**

АНТОН ЦИМЖ

СМЕРТЬ МУЖЬЯМ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*

Чиж, Антон.
Ч-59 Смерть мужьям : роман / Антон Чиж. — Москва :
Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-162191-9

Убийства и мода порой идут рука об руку. Неукротимый коллежский секретарь Родион Ванзаров и его ироничный старший друг и коллега криминалист Аполлон Лебедев расследуют серию загадочных преступлений в Северной столице: жертвы заколоты насмерть... шляпными булавками! Казалось бы, изящное украшение — кто мог догадаться использовать его в качестве холодного оружия возмездия?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162191-9

© Чиж А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Господа!

Нашими радостями, не имеющими в себе ничего пошлого, нашим близким общением с природой, нашей общей жизнью с дорогой мы основали новое и могущественное единение — франкмасонство открытого воздуха! Благодаря велосипеду, способствующему нашему сближению, когда только мы этого пожелаем, мы научились знать, уважать и любить друг друга, так как велосипед часто служит к устранению предрассудков и грустных недоразумений в наших личных отношениях! Велосипед дал новую формулу братского общения. Вот почему, несмотря на то, что искусство убивать друг друга и пользуется велосипедом наравне с голубем и собакой — символами любви и верности, я пью за единение народов при помощи велосипеда — символа человеческой свободы!

**Тост, произнесенный
доктором Филиппом Тисье
на митинге велосипедистов в Бордо, 1895 г.**

• ХАНДИКАП

Пока запрягают лошадь, пока нанимают извозчика, пока едут до поезда и ждут его отхода, велосипед под управлением хорошего ездока уже летит по дороге к доктору, в аптеку, в пожарное или полицейское бюро. На велосипеде почти всегда можно достигнуть намеченной цели гораздо скорее, чем при всяком другом способе передвижения.

**Современный велосипед:
выбор его и применение. 1895, С.-Пб.**

• 1 •

Нет более терпеливого и неблагодарного жителя во всей Европе, чем обыватель петербургский. Характер его решительно испортила погода. Принужденный сносить морозы, дожди, ветры, наводнения и прочие ненастья, он так приучается отчаянно бранить непогоду во всех ее чудесах, что когда, наконец, выглядывает весеннее солнышко, измученный столичный житель не способен расправить крылья души своей и воспарить над серыми буднями. Непременно примется ворчать, что ветер силен или что облаков многовато, а значит, надо тащить на себе зонт, или придумает еще какие-ни-

будь глупейшие отговорки, чтобы только не радоваться наступившему погоды. Однако и он, напялив теплую шляпу, чего доброго закутавшись шарфом, а может, и нацепив калоши, выбежит на Невский проспект, чтобы, жмурясь, как кот после спячки, прогуляться по его мостовым, наблюдая и разглядывая толпу соплеменников.

И есть на что посмотреть!

Петербургские дамы полагают святым долгом отметить долгожданный погожий денек разמודнейшим нарядом под изящной шляпкой — и с недовольным мужем под ручку, которого выволакивают, как медведя из берлоги. В солнечный день Невский расцветает особым восторгом. Сколько проносится взглядов, оценивающих и понимающих, завидующих и восхищенных, заигрывающих и намекающих, так что кажется: океан радости, любви и кокетства изливается из сердец теплой потокой с легким запашком страсти... Так ведь нет! И в этом пире жизни и буйстве моды наш мрачный критик найдет, чем быть недовольным. Что тут поделывать: погоду, как и жену, не выбирают. Уж такой он, как есть: мрачный обличитель природы столичной мерки.

В июньский полдень 1895 года причины для недовольства атмосферой выискивать не пришлось бы и завязатому оптимисту. С безоблачного неба солнце палило с такой наглой нещадностью, что случившуюся жару иначе как «сенегальской» и назвать-то нельзя было. А ведь известно, что пекло в Сенегале страшное. Их местное население приучено коротать деньки под пальмами, а наш столичный обыватель стараниями Петра Великого пальм лишен напрочь, разве видит их в кадках по ресторанам, да баням, да гостиницам. Так что прятаться ему остается по дачам да квартирам.

В этот час Невский проспект, пыльный и плохо метенный, по обычному старанию дворников, пустел, как картина нерадивого живописца, которому лень пририсовать фигурку-другую. Редко-редко проходила дама в светлом платье, по моде сезона закрыв лицо белой вуалью, проезжал несчастный извозчик, пропаренный, как самоварный сапог, или пробегали по мелким делишкам служащие контор. Пустынен и раскален Невский в этот час. Да и кому охота, в самом деле, торчать в печке.

Городовой Ендрыкин, заступив на пост на углу Караванной улицы в восемь утра, к нынешнему часу умаялся так, что не мог и ногой пошевелить, хотя ему полагалось для наблюдения порядка делать обход на прилегаемой территории. Белая полотняная рубаха, пропитавшись потом, липла к телу мерзкой змеюкой, португеею оттягивала проклятая шашка, а летняя фуражка грела темечко не хуже ушанки. Ендрыкину было уже глубоко безразлично: шляются ли нищие попрошайки по парадному проспекту, проезжают ли обнаглевшие ломовые извозчики, орудуют ли карманники и цыганки. Выполнять охрану порядка как должно жара никак не позволяла, а проезда высочайших особ, к великому счастью, не предполагалось. А раз так, то и напрягаться нечего. Подперев угол дома, и без того прочный, Ендрыкин мог думать только о кружке холодного кваса или, на худой конец, — рюмке водки, хотя по такой жаре какая водка, в самом деле?

Разморенное спокойствие было нарушено отдельными криками скорее восторженного, а не подстрекательского свойства. Приподняв козырек и сощуриив осоловевшие очи, Ендрыкин оценил назревавшее происшеств-

вие. Неуверенно вертя колесами, по кромке тротуара ехало наимоднейшее чудо техники, последний писк городской моды и проклятье всех городских — двухколесный велосипед. Управлял рогатым транспортом прилично одетый господин в дорогом костюме, отличавшийся от прохожих высокими ботинками на шнуровке, гетрами и английским кепи, а также приятным, чуть задумчивым лицом, украшенным золотым пенсне.

Господин яростно добивался равновесия, пытаясь поймать его за хвост, но равновесие подло ускользало, отчего ездок лихорадочно дергал руль и петлял передним колесом, как заяц на травле. Ендрыкин, ненавидевший подобных субъектов, о которых господин градоначальник составил самое отрицательное мнение, вылившееся в строгие правила борьбы с велосипедами силами наружной полиции, сразу понял, что наездник сел в седло недавно и ездить толком не умеет. А проспект — не место для ученических художеств. Немедленно собравшаяся толпа зевак подбадривала велосипедиста разнообразными замечаниями, в которых одобрение болельщиков смешивалось с язвительными издевками над неумехой.

Между тем господин, отчаянно сражаясь с силой тяжести, неудачно вывернул руль, застыл в воздухе, как показалось городовому, и со всей дури приложился об мостовую, успев широко раскинуть руки. Колеса взвились к небесам, толпа наградила трюк хором смешанных возгласов. Далее терпеть нарушение инструкций было невозможно, Ендрыкин оторвал взопревшую спину от теплого кирпича, намереваясь навести порядок.

Но в это мгновение внимание его привлек другой субъект. Был он росту не так чтобы крупного, чуть более двух аршин, одет как приказчик из мелкой лавки и отли-

чался ярко-рыжими патлами над обширной бородой. Внутренний опыт, который городской копит годами более-менее беспорочной службы, заставил Ендрыкина не отвести взгляд. Что-то показалось неправильным в невзрачном прохожем. Молодой человек носил бороду и усы и как-то уж слишком прямо держал спину, словно боялся уронить хрупкую вещь, и всматривался, не отводя глаз, в толпу вокруг упавшего велосипедиста. Стоял и стоял, не шевелясь, посреди улицы.

И тут от жары или чего другого Ендрыкину вдруг привиделось, что шляпная коробка, которую держал странный приказчик, сама собой дернулась как живая. Что бы это значило, городской сообразить не успел, потому что юноша на негнущихся ногах повалился на бок, словно подрубленное дерево, и плашмя, со всего размаха, ударился головой о булыжники тротуара. Коробка грохнулась рядом. Ни звука боли или разочарования не послышалось.

Улица, мгновение назад пустынная, наполнилась прохожими, появившимися откуда ни возьмись. Обморочного обступили плотным кольцом. Посыпались советы и мнения, чья-то рука коснулась его спины, кто-то нагнулся ниже, чтобы рассмотреть его лицо, кто-то просил достать воды или хоть обдать свежим дуновением. Родились предположения, что у молодого человека обморок от духоты и прилива крови к голове. Появились и мнения насчет его трезвости. Как вдруг шляпная картонка, покойно пребывающая в пыли, резво дернулась и подскочила колом. Нервные дамы, наказанные за любопытство, заверещали дурным визгом. Толпа отшатнулась.

Вконец осознав, что и на такой жаре пришла пора принимать меры, Ендрыкин засвистел ближайшему на

парнику, показывая знаками, чтобы тот занялся велосипедистом, а сам подбежал к лежащему приказчику. Стараясь не смотреть на ожившую коробку, Ендрыкин коснулся шеи потерявшего чувства, надавил вену и не нашел пульса. Дыхания тоже не было. Как и признаков жизни. Можно не сомневаться, городской получил на свою голову самое гадкое, что может случиться на дежурстве: внезапный труп среди бела дня.

Прикрикнув на ротозеев, чтоб не толпились, Ендрыкин призвал на помощь городского с ближайшего поста. Требовалось скорее избавиться улицу и восприимчивых прохожих от мертвого тела.

Несчастливого подняли за ноги и плечи, лицо закрыть было нечем, а загадочную поклажу уместили на животе. Надрываясь от тяжести, Ендрыкин обливался потом и поносил на чем свет стоит негодяя, посмевшего умереть от жары на его участке, но так и не посмел взглянуть на коробку напрямик. Все ему казалось, что она живая и шевелится. Не иначе нечистая сила вселилась. Хотя откуда бы ей взяться на таком пекле.

• 2 •

Будь ее воля, Аграфена Прохоровна ни за что бы носа на улицу не высунула. Так бы и сидела перед открытым окошком, обмахиваясь да попивая морс. Так ведь упрямая кухарка вечно напутает: вот опять купила вместо муслина дешевейший ситчик. А как из ситца пошить достойное платье для обожаемой доченьки? Разумеется, никак. Закрываясь кружевным зонтиком, который

создавал дырявую иллюзию тени, мешанка и домовладелица Степанчикова, дама пышных форм и обширного сердца, покинула прохладный уголок и, только ступив на мостовую, излила все проклятья на голову глупой кухарки. Страдая от каждого шага, она кое-как добралась до Мучного переуллка, где муки жары стали совершенно нестерпимы.

Достав фуляровый платочек, Аграфена Прохоровна принялась обильно обмахиваться и наблюдать по сторонам. В открытом окошке она заметила чиновника, усердно трудившегося над бумагами. Материнское сердце, даже измученное непогодой, сразу отметило молодого человека. Был он коренаст, крепок в плечах и чисто выбрит. Выражение лица имел строгое, но без заносчивости, черты хоть немного крупноватые, но не портившие общий молодцеватый вид. И вообще казалось, что юноша умен и солиден не по годам. От такого зятя мадам Степанчикова не отказалась бы. Сразу видно — человек надежный, солидный и старательный, и семью прокормит, и карьеру сделает, и жену любить будет, а уж тещу — тем более, куда ему деваться. Аграфена Прохоровна стала оглядывать здание, в котором обитает этакое сокровище, и, к досаде своей, определила: всего-навсего полицейский участок Казанской части. Достоинства возможного зятя резко поблекли в глазах домовладелицы, она вздохнула о своем, то есть о непристроенной доченьке, и направилась в лавку за материей.

А «сокровище» в окошке не подозревало, что его так быстро оценили и забраковали на предмет семейного счастья. Не заметил он не от отсутствия природной смекалки или наблюдательности, которых было предоста-

точно, а по заурядной причине огромной занятости: чиновник сосредоточенно писал в бумагах. Любопытный посетитель участка, да хоть мы с вами, не посмел бы беспокоить столь важное занятие без существенного повода. Но если бы нам хватило смелости заглянуть занятому чиновнику через плечо, то обнаружили бы, что на листке писчей бумаги равномерно появлялись чернильные кружки и тут же зачеркивались крест-накрест. Таким нехитрым способом молодой человек не столько изображал усердие, сколько выпускал пар тихого бешенства.

Вот уже две недели как отбывал он ненавистную каторгу в этом участке... Ах да! Неприлично все же говорить о ком-то в абстрактном роде, не представив личную характеристику. Молодой человек был не по слову молод, ему не исполнилось еще и двадцати трех лет, что не помешало иметь уже чин десятого класса, то есть — коллежского секретаря. Происходил он из не очень богатой, но достойной фамилии, предок которой перебрался в Россию в конце восемнадцатого века из Баварии, был самых широких взглядов, в результате чего, а также трех поколений дедов и бабок в юноше оказалось намешено разнообразие кровей, что обычно дает незаурядные умственные способности. Фамилию юноша носил благозвучную, но редкую — Ванзаров, а крещен был Родионом. Отец его состоял на государственной службе по Министерству просвещения и не видел иного пути для своего младшего отпрыска, как последовать своему примеру. Так что Родион, окончив гимназию с отличием на два года раньше сверстников, отправился в Петербургский университет.

Короче говоря, знакомьтесь: Ванзаров, добрый мой приятель, родился на берегах Невы... Позвольте, где-то это уже было?.. Ну и ладно... Вернемся к Родиону.

К моменту окончания классической кафедры все профессора разве что не на коленях молились на молодое дарование, с трепетом восторга ожидая его академическую карьеру. И тут Родион выкинул фокус: лучший студент и надежда всей классической словесности, вместо того чтобы и дальше ломать зубы о гранит седой древности, взял и подал прошение в министерство. Ну еще бы в Министерство просвещения или уделов, так ведь нет! Паршивец подался служить в презируемое всеми культурными людьми Министерство внутренних дел. Ладно бы еще в канцелярию, так ведь сунулся в самое адское пекло, клоаку и оплот деспотизма — в Департамент полиции! Этого профессура простить не смогла, а потому навсегда вычеркнула Родиона из своих сердец.

Проклятие ученых мужей не помешало быстрой карьере. Он стремительно получил губернского секретаря, а затем — и коллежского. Впереди уже маячил титулярный советник. Усердного и толкового юношу приметил начальник департамента генерал-майор Петров и оказал ему должное покровительство. Но и здесь Родиону не сиделось на месте, он подал прошение о переводе... в сыскную полицию. Удивленный благодетель на всякий случай спросил: понимает ли юноша, куда суется? На что получил твердый ответ: дескать, хочет заниматься живым делом, а не бумагами. Начальник вздохнул и выписал предписание командировать в качестве чиновника для особых поручений.

С драгоценной бумагой Родион явился к начальнику сысской полиции статскому советнику Вощину. Платон Сергеевич не имел и десятой доли таланта своего выдающегося предшественника – великого Путилина, но смекнул, что от юнца спокойной жизни не жди, станет совать нос куда не следует, а потому быстро спровадил Ванзарова с глаз долой прикомандированным чиновником от сысской полиции в 4-й участок Казанской части. И благополучно о нем забыл.

Горя желанием служить закону и истине, куда ни пошлют, Родион явился с рекомендательными бумагами к участковому приставу Вершинину-Гаку. Увидав столь резвую птицу, подполковник слегка струхнул. И не потому, что в его ведомстве были особые нарушения, так, по мелочи, кормился, чем мог, как и все. А потому, что человек новый, будет лезть в разные делишки, чего доброго вопросы задавать, и как себя поведет – кто его знает. Может, и вовсе все это прикрытие: новичок направлен с секретной проверкой или, еще хуже, – ревизией, которую устраивает тайный недоброжелатель пристава. В общем, Савелий Игнатьевич решил от греха подальше нагрузить молодчика работой по самые уши. Чтобы некогда было любопытничать.

И с этого момента Родион хлебнул по полной.

На него спихивали любую бытовую мелочь, какой даже в тихом центральном участке столицы предостаточно. Юный чиновник полиции был вынужден разбираться с кражей белья во дворе, с семейными скандалами, с пьяной дракой половых, с мелкой кражей в москательной лавке и подобными интереснейшими событиями.

А разве о таком он мечтал? Конечно, нет.

Родион стремился в сыскную полицию, чтобы разгадывать сложнейшие загадки, чтобы ловить и выводить на чистую воду хитроумных преступников, чтобы раскрывать мрачные тайны, и за всякой подобной романтической чушью. Короче говоря, чтобы воплотить мечту, которая тайно прорастала под фолиантами греческих и римских философов: стать сыщиком не менее знаменитым, чем английские, французские или немецкие образцы.

Столкнувшись с реальной жизнью, отличавшейся от иллюзий, юный Ванзаров искренно растерялся. Он готовился бороться с умными и сильными противниками, а пришлось иметь дело с пьяной гольтьбой. Карьера великого сыщика, каким сам он считал себя в тайных глубинах души, столкнулась с непробиваемой стеной заурядной жизни. А ведь какие удивительные системы раскрытия преступлений бродили у него в мозгу, так бродили, что чуть не закипели. Какие новейшие приемы сыска и разоблачения он выдумывал. А где их применять? Не на краже же белья!

Через две недели такой пытки Родион затосковал ужасно. Сидя у распахнутого окна, что ничуть не освежало, он перебирал мрачные мысли, которые могут родиться только в юном возрасте, и не исключал даже бросить службу навсегда. Не получалось из него великого сыщика, имя которого прогремело бы по всей России и отголосками оглушило Европу. А еще коллеги по участку, завидуя и побаиваясь, отгородились холодным забором любезности, называя его исключительно по имени-отчеству, но за глаза насмехаясь и при любой возможности стараясь делать мелкие пакости, до кото-

рых чиновники большие мастера. Было от чего прийти в уныние.

Родион Георгиевич выписал очередной кружок, решительно зачеркнул его и посмотрел во двор участка. Старший городской Семенов, ростом превосходивший гвардейских кирасир, разделся по пояс, перекрестился и сунул голову в бочку гнилой воды, сберегаемую для пожара. Но руки соскользнули, и богатырь нырнул до дна, так что остались торчать сапоги. Поняв, что попал в западню, городской стал яростно сучить ножищами, пытаясь вырваться. Но только зря сотрясал горячий воздух. Того и гляди утонет в бочке. Ванзаров уже приподнялся, чтобы бежать на выручку, как вдруг Семенов дернулся изо всей силы, бочка качнулась и завалилась, как раз так, чтобы сапожищи утопленника нащупали землю. Мужик восстал во всю статью, низвергая водопад на засохший камень, скинул капкан и отфыркался не хуже лошади. Все этому народу нипочем.

Коллежского секретаря объяла тоска смертная. Так что не заметил, как в участок внесли что-то тяжелое, как поволокли куда-то вглубь, как городовые вылакали графин воды и убрались восвояси. Ванзаров очнулся, когда над ним склонилось улыбчивое лицо коллежского регистратора Матько — господина маленького роста с большой проплешиной на голове.

— Пострадавшего с Невского доставили, — дружелюбным тоном сообщил он. — Так господин пристав распорядились, чтобы вы, Родион Георгиевич, самолично занялись. Так сказать, передал пальму первенства. Вы же у нас для особых поручений, так сказать...

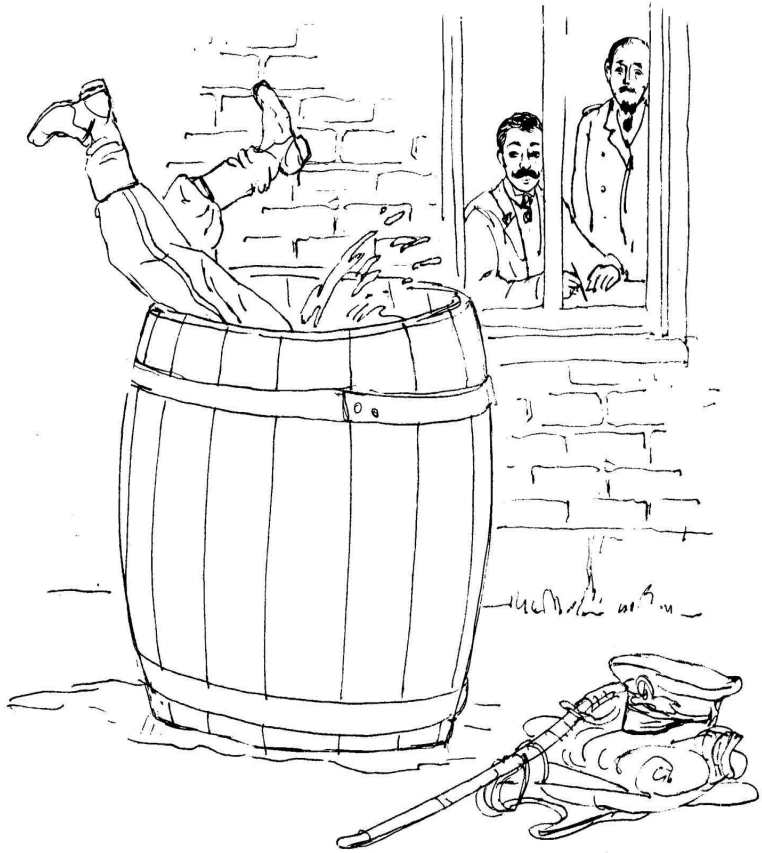
Чиновник подмигнул со значением и удалился, довольный мелочной пакостью, сунутой заносчивому выскочке.

Ванзаров сдержанно поблагодарил, нарисовал очередной кружок и вдавил стальное перо в стол так, что писчая головка издала жалобный треск.

• 3 •

В каждом полицейском участке столицы имеется комнатка, в которой перевязывают раны, полученные в уличных происшествиях, смазывают зеленкой ушибы, при нужде могут вытащить занозу или остановить кровь, помочь потерявшим сознание от солнечного удара или обморожения, а уж на самый крайний случай — сделать укол или вынуть кость из горла. Причем не только у господ полицейских. В медицинской участка позволялось оказывать помощь всем несчастным, кто пострадал вне дома и не было средств или сил добраться до ближайшего частного врача или больницы. Лечили здесь плохо, но бесплатно, что иногда спасало жизнь.

Доставленному телу помощь не требовалась. Оно лежало тихо и мирно на хирургическом столе. Рыжая бородача топорщилась, огненные патлы торчали как иглы, а на живот кто-то водрузил громоздкую коробку изпод дамской шляпы. Только она и заслуживала внимания: обтянутая блестящим атласом в голубую полоску, сверкала, как дорогая шкатулка, скрывающая еще более дорогую игрушку для украшения дамской головки и воз-

буждения зависти каждой, кто не может позволить себе подобную красу.

Ни протокола, ни рапорта городского при теле не имелось. Еще неделю назад Ванзаров устроил бы строгий разнос за служебное небрежение, но теперь ему было все равно. Опять сбагрили примитивнейшее дело, даже не преступление, а уличное несчастье: ну умер человек от сердечного приступа или апоплексического удара, что тут делать талантливому сыщику, пардон, конечно. Писанины на полдня, а раскрывать нечего. Все ясно, как белая простыня: определить личность да сообщить родственникам. Нечего сказать — хороша таинственная загадка.

Как бы соглашаясь с мрачными мыслями Ванзарова, шляпная коробка легонько кивнула. Вернее, наклонилась сама собой и замерла в скромном спокойствии. Покойник ничего подобного позволить себе не мог. Значит, внутри что-то скрывалось.

Оживленный любопытным обстоятельством, Родион поднял картонку за шелковые ленты, служившие ручками. Судя по весу, там находилось что-то более тяжелое, чем шляпка. И что забавно: в крышке проделаны еле заметные, аккуратные дырочки, словно для вентиляции. Развязав пустячный узел, будущий великий сыщик медленно приподнял крышку.

От резкого перехода между тьмой и светом крыса зажмурилась, но тут же выкатила бусинки глаз, принялась и осмотрелась, подавшись на задние лапки. На нее уставился полноватый человек в темном костюме, от которого аппетитно пахло мылом, со всех сторон доносились запахи, которых она не знала, были они неприятные, но неопасные. Крыса поняла, что после мук заточе-

ния и невидимых ударов попала в какое-то новое, интересное место, а потому надо прилично выглядеть. Она протерла мордочку, оправила шерстку и, как могла, по-крысиному, выразила удовольствие от столь приятного знакомства.

Ванзаров не страдал глупыми фобиями и не боялся пауков, мышей или тараканов. К тому же зверек выглядел на редкость воспитанным. Крыса была крупной, чуть менее вершка, считая с хвостом, упитанной и холерной, по виду добродушной, явно не из подвала, скорее всего, домашняя живность любителя грызунов. Хорошее воспитание или дрессировка так и читались на умной мордочке.

Не зная, как обращаться к подобным существам, Родион машинально пробормотал:

— Кис-кис-кис...

Крыса благосклонно приняла знак внимания, повертела хвостиком и, кажется, кивнула, во всяком случае, так показалось. Покидать обжитое днище коробки она явно не торопилась. Чтобы продолжить знакомство, Родион предложил сухое печенье, изъятые из вазочки участкового доктора. Гостинец был принят благосклонно, острые зубки впились в тесто, усишки подпрыгивали в такт зубам. Животное хрустело с аппетитом, но соблюдая приличия. Наблюдая за трапезой, Ванзаров внезапно обнаружил, что какое-то радостное чувство, даже безотчетное предчувствие таинственного, необычного дела, которого так ждал и желал, зашевелилось в душе.

— Это что такое? — спросили у него за спиной.

Участковый доктор Синельников, высохший субъект с безнадежно пропитыми глазами, уставился на лежащее тело с безразличной миной.

— Здесь вам не морг, чтобы всякой падали валяться. Кто позволил? Вы, молодой человек, похозяничали? Так извольте убрать эту дрянь. Не хватало, чтоб еще провонял.

— Это не дрянь, а человек, — сказал Ванзаров и добавил: — Хоть и мертвый. А кто принес — спросите у дежурного. Даже протокола не составили.

— Человек, не человек, какая разница. Труп — значит, в морг. А это что такое? — Синельников хищно уставился на крысу.

— Она была в коробке. С умершим.

— До чего дошло! В шляпных коробках крыс таскают. Народ от жары совсем умом помутился. Ладно, дайте-ка мне сюда. Вколю ей спирту, давно хотел узнать, что будет.

Крыса поняла, что люди говорят о ней, и перестала жевать. Худой человек в белом халате ей сильно не понравился: от него пахло смертью и перегаром. Она жалась и постаралась укрыться под защиту полного и добродушного.

Ванзаров решительно загородил живность:

— Даже не думайте. Это — важная улика. Возможно, совершено преступление. Возможно, убийство.

Синельников презрительно хмыкнул:

— Какая улика, какое убийство, молодой человек! Простите, что обращаюсь к вам так, вы у нас птица важная, министерская. Уж позвольте по-стариковски разъяснить: никакого тут преступления. Шел человек по ули-

це, упал и умер. Вот и вся история. Небось сердце отказало. Мало ли по жаре дохнет. Климат у нас для жизни не подходящий. То ли дело Париж. Одним словом — в морг.

Быть может, иной коллежский секретарь послушался бы мудрого внушения и отправился гонять чай, но Родион Георгиевич обладал одним качеством, вредным в семейной жизни, но бесценным в сыске, а именно: непрошибаемым упрямством. Баран, упершийся в новые ворота, показался бы послушным агнцем на фоне упрямства, дарованного от природы этому юноше. А потому Ванзаров потребовал не мешать ему проводить первичный досмотр тела и вообще чтобы доктор посторонился. И сам приблизился к труп. Он еще испытывал мелкие покаявания страха перед мертвецами, не до конца ушедшие после краткой полицейской службы, но под враждебным взглядом Синельникова не мог позволить себе слабость.

Родион внимательно осмотрел ссадину, оставленную на лице трупа во время его падения, изучил одежду, показавшуюся несколько великоватой и не по росту, словно с чужого плеча, особо внимательно осмотрел пальцы, не упустил запыленные ботинки и еще раз повертел крышку от шляпного короба. Кое-что любопытное обнаружилось, но для раскрытия тайны смерти явно недостаточно. И тогда Ванзаров распахнул полы сюртука несчастной жертвы. На фоне яркой жилетки из перкаля маленькую странность можно было и не заметить, то есть упустить навсегда. Но как только Родион разглядел, что находится перед ним, сразу обратился к доктору:

– Прошу немедленно вызвать криминалиста из департамента.

Облизав ложку из-под варенья, Синельников спросил с равнодушной издевкой:

– Зачем вам? На несчастные случаи они не ездят. Только зря человека беспокоить.

– Это не несчастный случай. Это убийство.

– Таинственное и загадочное? – уточнил доктор.

– А уж это позвольте мне решать! – грозно, как ему показалось, ответил Ванзаров.

Нагло хохотнув и выразив в междометиях все, что думает о сумасбродном юнце, Синельников отправился телефонировать в Департамент полиции. А Родион с радостным трепетом охотника, поймавшего удачу, приступил к телу.

● 4 ●

Губернский секретарь Редер, отгородившись томом всеобщего Уложения наказаний Российской империи, был занят чрезвычайно важным делом, а именно: делил на четыре кучки замусоленные купюры, которые случайно забыл в папке на его столе купец Нифонтов, державший на территории участка лавку колониальных товаров. Купец был энергичным, а потому мешал дорогие сорта чая с дешевыми в пропорции один к трем и не брезговал добавлять крошеного сена. Чтобы полиция не вмешивалась в процветание торговли, требовалось не часто, но раз в месяц забывать на столе некоторую сумму, которую в этот раз выпало делить Редеру. Напарни-

ки старательно не смотрели в его сторону, но готовы были в любую секунду прикрыть товарища и свои доли. Участь четвертой, самой толстой кучки, была всем известна.

Решительно хлопнула дверь. Таким образом входить в полицию позволяется далеко не всем, а если откровенно — только вышестоящему начальству. Три головы чиновников, как по команде, повернулись на шум. Вместо ужасного явления вышестоящих лиц они стали свидетелями истинного чуда. В приемном отделении участка возникло существо, которое нечасто увидишь среди обшарпанных лавок и неисчезаемого запаха заношенных портянок. И хоть окна были распахнуты настежь, чиновникам показалось, что стало светлее — такая красота предстала перед ними. Действительно, пришедшая дама отличалась изысканной красотой. Не меньшее впечатление производил ее наряд. Стоит описать его хоть отчасти. Ведь в красивой даме, как известно, только и стоит, что описывать наряд, потому как без наряда, в чистой наготе, в даме нет решительно ничего интересного. Вернее — особенного. Разве нет?

Туалет ее был пошит из белого пике. Юбка очень широкая, так что все швы скрываются в ниспадающих складках; корсаж-блуз, открытый очень грациозно в манере каре, спереди на вставке из полосатого пике: голубого с белым; изящный отложной матросский воротник, вышитый по краям голубым шелком, и галстук из голубого батиста, завязанный бантом ниже воротника на груди. Голубой кушак был застегнут стальными пуговицами, а пышные рукава-ballon имели маленькие обшлага из полосатого пике. Костюм дополняла широко-

полая шляпа из голубой соломы с шу, убранная черным шелковым муслином, фиалками и эгреткой из зеленой травы. Светлые шведские перчатки дополняли элегантность туалета. Одной рукой дама нервно теребила изящный зонтик из белого газа, вышитый сиреневым шелком, а другой поддерживала на весу подарочную коробочку с бантом. Ну разве не прелесть?..

Не стоит надеяться, что чиновники полиции разбирались хотя бы в части сложнейших деталей изысканного туалета. Попросту открыв рот, они не могли оторвать взгляд от дивной красоты.

Дама, кажется, не испытывала ни тени смущения или неловкости от того, что ее жадно рассматривают три пары мужских глаз, словно все труды наряда предназначались именно для этого. Привыкнув отдавать распоряжения, она ждала, когда к ней обратятся с вопросом, что ей угодно. Видимо, дама происходила из тех кругов общества, которые воспринимали полицейских как обслугу, навроде горничных и дворников. Но чиновники не сделали попытки предложить гостье свое усердие или хотя бы стул.

Поискав взглядом хотя бы одного благородного человека, дама наконец поняла, где находится, и вежливо, но строгим тоном спросила телефонный аппарат.

Три присутствующих чиновника, как по команде, окунулись в срочную работу. Губернский секретарь Редер был очень занят бумагами, не менее был занят коллежский регистратор Матько, а уж как был занят коллежский секретарь Кручинский, перекладывая бумаги с одного конца стола на другой, и говорить страшно.

Уняв раздражение, дама еще раз попросила аппарат, ей срочно нужно телефонировать по важному делу.

— Телефон в участке — дело государственное, — сообщил Кручинский, обмахиваясь от трудов праведных батистовым платочком. — Идите на телеграф, там и телефонируйте. Не видите, что ли, все заняты, не мешайте, барышня, и так с делами не управиться. Здесь полиция, а не проходной двор.

Дама не была приучена к такому обращению, а потому закусила хорошенькую губку. Но делать было нечего. Из маленькой атласной сумочки, которую мы сразу и не заметили, появилась трехрублевая ассигнация и легла на стойку, которая отделяла мир людей от мира чиновников. Случилось чудо: купюра растаяла, а вслед за ней три чиновника повскакивали со своих мест и наперегонки кинулись подводить даму к замызганному ящику, оказавшемуся аппаратом.

Она попросила оставить ее, покрутила ручку, назвала телефонистке номер 2-23, долго слушала молчание, поблагодарила девушку на станции, повесила рожок и оборотилась к троице, с интересом изучавшей спину и прочие прелести, скрытые юбкой.

— Мне срочно нужен сыщик. Самый лучший, — чуть дрогнувшим голосом сказала она. — Дело о жизни и смерти. У вас есть такой особый человек?

Переглянувшись, чиновники без слов сговорились, на кого выпадет счастье.

— Извольте обождать, мадам, он немного занят раскрытием важного преступления, — доложил Кручинский и мерзким образом подмигнул.

• 5 •

К насыщенному букету медицинской, в котором йод боролся с хлоркой и касторовым маслом, Ванзаров принюхался и перестал замечать, да и составление протокола отняло все внимание. Появление нового аромата откуда-то из-за дверей дало себя знать настойчиво и нагло. Казалось, в жаркой атмосфере надвигается грозовое облако нестерпимой вони, подгоняемое сквозняком. Что за запах, Родион понять не мог и грешным делом решил, что воздух подпортил покойник. Но тот еще не успел. Это была какая-то совершенно особая гарь: будто жгли гнилу солому или болотный мох.

Синельников закрылся газетой и делал вид, что ничего не замечает.

От толчка беленую дверь снесло в стену, матовое стекло жалобно взвизгнуло, и на пороге предстала роскошная персона. Росту в ней было чуть ли не три аршина, плечи вздымались исполинским размахом, а грудь выпячивалась яблоком. Пришедший был одет не просто великолепно, а с шиком, это подтвердила бы любая дама: в идеально приталенном сюртуке, щегольских брюках, яркой жилетке, а в петлице цвела модная бутоньерка из белых гвоздик. Все та же дама не смогла бы остаться равнодушной к великолепно ухоженным, напомаженным усам, дивно напоминавшим крылышки экзотической пташки. Чтобы впечатление превосходства стало неизгладимым, визитер помахивал тросточкой с замысловатым набалдашником и крепко держал массивный саквояж, по виду тяжелый. Роскошный господин выпус-

тил струю дыма, не разжимая губ, в которых торчала короткая сигара, именуемая сигарильей. Родион вынужден был сдерживать рвотный порыв: таким нечеловеческим ароматом дунуло от курильщика. Источник неизвестной вони предстал во всей красе.

Ни с кем не здороваясь, господин прошел к хирургическому столу, бесцеремонно скинул простыню, окинул взглядом мирный труп, развернулся и громогласно заявил, не вынимая изо рта сигарильи:

— Синельников, до белой горячки допился наконец? Какого рожна меня вызывать на сердечный приступ? Совсем сдурил?

— Это не я, господин коллежский советник, — явно робея, отвечал доктор. — Это вот юноша потребовал.

Ванзарова пронзил взгляд глубоко карих глаз, усиленный нахмуренными бровями и презрительно скривленными губами.

— А вы что еще за птица с пером в заднице?

— Позвольте представиться, Ванзаров, коллежский секретарь, — недрогнувшим голосом сообщил Родион, пряча подло вспотевшие ладошки за спину. — Действительно, это не доктор, а я приказал, то есть попросил вызвать вас... То есть не именно вас, господин Лебедев, а эксперта-криминалиста. Потому что это не сердечный приступ. Вовсе нет. А мне нужно в протокол внести... И вообще...

Угрожающее выражение было снесено внезапным порывом, открыв умное до чрезвычайности и добродушное до детской наивности лицо благородного во многих смыслах мужчины в полном расцвете тридцати с небольшим лет. Изъяв сигарку от губ, он задумчиво проговорил:

— Ванзаров... Ванзаров... Не то ли это юное дарование сыска, о котором жужжат сплетники в департаменте?

Родион только скромно потупился.

— Ну так это другое дело! — радостно фыркнул гигант, затушив окурочок о грязный пол коридора. — Что ж вы сразу не сказали! А я — Лебедев. Да вы знаете... А откуда вы меня знаете?

О, как много можно было бы поведать о заслугах Лебедева! Не было в России иного криминалиста, который бы так честно носил титул «гениальный». Заслуги Аполлона Григорьевича перед криминалистической наукой и разнообразными научными полицейскими дисциплинами были неисчерпаемы. Но главным его достижением стало основание в 1890 году антропометрического кабинета по системе Альфонса Бертильони, в котором преступника тщательно измеряли, фотографировали и систематизировали. За пять лет было обмерено более двадцати тысяч человек. Благодаря чему опознавали беглых и разыскиваемых не абы как, а по научной системе, хоть и сложной. И это только отдельный штрих великолепного портрета! Все же, постеснявшись Синельникова, Ванзаров ограничился кратким перечнем дел, в раскрытии которых принял непосредственное участие талант Лебедева.

Это произвело впечатление. Великий криминалист сожмурился, как заласканный кот, протянул ладонь и одарил крепким рукопожатием. Родион смутился, что такой достойный человек найдет его кожу недостаточно сухой. Но Лебедев добродушно хлопнул по плечу и обдал запахом дорогого коньяка:

— Ну, юное дарование сыска, выкладывайте, что у вас стряслось...

— Я полагаю, что совершено дерзкое преступление...

Заскучавший было доктор не вовремя хмыкнул, за что немедленно поплатился:

— Синельников! Еще один звук — и вылетишь в форточку... Продолжайте, Ванзаров. Отчего решили, что убийство?

Родион попросил подойти к телу и откинул край сюртука:

— Как думаете, что это такое?

Криминалист сощурился и признался, что ничего не замечает.

— Ну вот же! — указал палец в область, где у трупа полагалось сердце.

Лебедев нагнулся, разгадывая деталь, скрывавшуюся в рисунке яркой материи, и тихонько присвистнул:

— Ай да Ванзаров, ай да глазастый. Как вас величать?

— Родион... — сказал коллежский секретарь и уже не так уверенно добавил: — Георгиевич.

Синельников, заинтересованный находкой, сунулся к столу. И сразу пожалел. Развернув щуплое тельце эскулапа к выходу, Лебедев ласково предложил:

— Ступай-ка ты, брат, отсюда, чайку выпей или водки. Нечего тебе тут делать.

Обиженный доктор в расстроенных чувствах хлопнул дверью.

— А вы совсем другой, — сказал Аполлон Григорьевич, все же понизив голос. — Мхом не поросли, делом горите, не то что эти, сразу видно. Вы уж простите за мое

вторжение, больно не люблю местного пристава: подлец в погонах — худшая из бед в полиции, да. Ну попробуем разобраться с его благородием дохлостью.

— Это необычное преступление, может быть уникальное в своем роде... — заторопился Ванзаров, но был остановлен властным жестом.

— А вот с этим спешить не будем. Как говорится, вскрытие покажет... Внутренностей не боитесь?

— Н-н-нет, — кое-как выдавил Родион.

— Ничего, к пятому трупу привыкнете... Да не падайте в обморок, не стану при вас его потрошить... Так, маленько покроем... Отрежем руку-ногу, другую...

Крыса, про которую все забыли, сидела на поддоне коробки, показывая несравненное воспитание. Она с любопытством следила за очень большим человеком, от которого пахло вкусным обедом. Только животное не могло уразуметь, отчего это он с таким вниманием разглядывает мертвое тело.

— Вот зараза, не могу понять, что это может быть, — сказал Лебедев, разглядывая предмет, выпиравший из жилетки.

Затруднение великого криминалиста было простиительно. На фоне ярких разводов ткани, напоминавшей безумные индийские вышивки, скромно жался металлический шарик, отливавший бронзовым блеском. Размером — с крупную виноградину или мелкую сливу, как угодно, сидел на жилетке слишком прочно, а на вершукше имел аккуратные насечки:

|||

Вещицу нетрудно было принять за часть одежды или модное украшение, вроде броши, не заметить совсем или не обратить внимания. Так бы и сделали большинство чиновников полиции, а уж сотрудники Казанского участка — непременно.

— Почему решили, что шарик имеет отношение к смерти бедолаги? — спросил Лебедев.

— Если мужчина навешивает на пузо цепи с брелоками — это одно. А этот одет бедно, без украшений. Нелогично, — еще немного тушуясь, ответил Ванзаров.

Ему все больше нравилось общаться со звездой русской криминалистики. Само собой получалось легко и непринужденно, как между старыми приятелями. Два разных по возрасту и положению человека необъяснимым образом испытали друг к другу прилив искренней симпатии. Отчего такое бывает?

— Ладно, возьмемся за тело, — сказал Аполлон Григорьевич.

Гигантский саквояж раскрылся и оказался походной лабораторией. Из недр были извлечены щипцы устрашающего вида с хищно загнутыми концами. Приладив их под шарик, Лебедев прочно ухватил рукоятки, напрягся и дернул с устрашающе легкой силой.

Мертвец отшатнулся по инерции. С мягким чмоком вынырнуло тонкое полированное лезвие, на котором остались бордовые сгустки.

— Что это? — спросил Ванзаров, не боясь показаться невежей.

Быстрого ответа не случилось.

— На стилет воровской не похоже, слишком изящная штучка, — сказал эксперт, вертя на свету предмет. — Не

медицинский инструмент однозначно. Возможно, шило. Хотя не сапожное. Лезвие немного длинновато — с полвершка... Да, ловко господина сложили.

— Прошу прощения?

— На воровском жаргоне «сложить» значит «убить». Учите, Ванзаров, аргумент пригодится, — сказал Лебедев, крутя в щипцах странный предмет. — Что за ерунда такая?

Какой музыкой прозвучали для Родиона эти слова! Вот она — загадка. Интуиция не подвела, наконец ему попало настоящее таинственное дело для настоящего сыщика.

Шило отправилось в стальной судок, жалобно звякнув. Лебедев сообщил, что такую неприятность следует перекурить, вынул свежую сигарку, подхватил трость, изящным, несколько показным образом нажал скрытую пружинку набалдашника, на котором вспыхнул язычок пламени. Тщательно прикуривая, криминалист наблюдал за произведенным впечатлением.

— Замечательное изобретение: трость с вечной зажигалкой, — хвастливо заявил он. — Никогда не подводит, ни в дождь, ни в снег. Патентованная вещь, отвалил бешеные деньги. Кстати, не желаете сигарку? Исключительные — никарагуанские. Специально для меня в одной лавке держат.

Ванзаров вежливо отказался, стараясь прокашляться не очень вызывающе. То, что во всей столице такие сигарки курил один человек, не удивляло. Источаемый ими запах требовал особого мужества или полного отсутствия обоняния.

— Вижу-вижу, что не терпится, рассказывайте, что на-копали, — подбодрил Лебедев широким жестом. — Не стес-няйтесь, все свои. А если что — труп не проболтается.

Родион выдохнул и заторопился:

— Молодой человек ни с того ни с сего падает посре-ди улицы. Городовой волочет его в участок, даже не удо-сужившись захватить свидетелей. Все думают, что это сердечный приступ. Но обнаруживается масса странно-стей. Первая: у него в карманах нет решительно ниче-го — ни денег, ни документов. Кроме вот этого листка...

Ванзаров протянул полоску сероватой бумаги, на ко-торой типографским способом была напечатана черная роза, а рядом с ней криво нарисованы чернилами полу-круглые стрелки, замыкающие себя кольцом.

Лебедев покрутил обрывок и равнодушно отложил:

— Ну и далее?

— Вторая странность: у этого господина нет никаких украшений, кроме колечка на безымянном пальце левой руки. Ничего не напоминает?

— Змейка хвост кусает.

— Это не змейка. Это — Уроборос! — несколько взвол-нованно сказал Родион. — Древний гностический сим-вол! Образ вечного круговорота, цикличности, гибели мира и его воскрешения, смерти как рождения и рожде-ния как смерти. Символ бессмертия и самооплодотворе-ния. Истина и познание в одном...

— Хотите сказать: тайный сектант? — спросил Лебе-дев, выпуская облако дыма.

— За этим скрывается нечто большее, чем просто убийство.

— Поспешный вывод. Все может иметь примитивное объяснение, да хоть убийство из ревности. Или, например, его с кем-нибудь спутали.

— А то, что одежда с чужого плеча?

— Свою отдал в почистку.

— Что скажете на это? — Родион уставил указательный палец в животное, которое благодарно принялось. — При нем была шляпная коробка, в которой находилась дрессированная крыса.

— Вот как! — Лебедев улыбнулся. — Я-то подумал, Синельников совсем ума лишился от пьянства, крысу себе завел. Какое милое животное! И по виду умница. Заметьте, умнее многих.

Крыса уловила, что говорят о ней, и решила предьявить себя добрым людям во всей красе: встала на задние лапки и покачалась, словно в танце.

— Занятно как, — сказал Аполлон Григорьевич, кидая актрисе кусочек сахара. — Хотите убедить меня и себя, что в скучной полицейской рутине мы наткнулись на необычное дело?

Ванзаров мог лишь согласно кивнуть.

— Так вот что скажу вам, Родион Георгиевич: дело самое пустяковое. И не подсовывайте мне всяких змей с крысами да розами. Все это — ерунда. Я еще стерплю, а пристав и слушать не станет. Тут нужны серьезные основания. А их нет.

— Неужели? — с упавшим сердцем спросил Родион.

— Ну, почти... Возможно, за маленьким исключением... — Лебедев умело тянул паузу, как великий актер перед залом, затаившим дыхание. — Оно перед вами.

• 6 •

— Должна вам сказать, что дамские моды этого сезона не удивили новыми открытиями. По-прежнему остались популярными очень пышные рукава-ballon, причем в летних платьях рукав всегда полукороткий, отделанный шу из лент или кружевами, но наиболее пышная часть его... — дама показала на себе, — у локтя так, что рукав напоминает форму эполета. Белый цвет особенно в моде. С платьями нежных цветов принято носить черные кушаки, но тогда необходима и высокая черная шляпа. Весьма модным сочетанием цветов надо считать синий с желтыми цветами, например на отделке шляп. Кстати, о шляпах: в большой моде вуали из белого тюля с рисунками в виде горошин или разводов с кружевом, причем последние идут более всего к большим шляпам. Например, как вон та... Вуали из tulle-illusion¹ цвета «мов» или розоватые придают свежий оттенок лицу... Позвольте угостить вас свежими моделями шляпок. Мне присылают образцы прямо из Парижа...

Матильда не давала и слова вставить молоденькой барышне, по которой сразу скажешь: вкус не развит, из грязи в князи.

Действительно, мадам Оноприна только теперь смогла осуществить заветную мечту: не боясь расходов, зайти в самый роскошный и дорогой салон дамских мод в столице, который держала Матильда Живанши. С тех пор как муж Оленьки получил скромное место чиновни-

¹ Тюль-иллюзия (*франц.*).

ка в городской Думе, позволявшее распределять подряды на электрическое освещение, благополучие семьи резко выросло. Чему мадам Оноприна была искренно рада.

Сидя с чашечкой кофе, которую еще не научилась держать на весу, Оленька с тихим восторгом и ужасом поглядывала на невероятные туалеты, о которых и мечтать не смела, а теперь — пожалуйста, на элегантных дам, тихо беседующих со своими модистками, на цветные картинки журналов мод, выставленных в рамках, и готова была хватать без разбора первое, что предложат, так ей все нравилось. Голова кружилась счастьем и детским восторгом, когда конфеты можно загребать горстями.

— Взгляните, что за прелесть эта шляпка: модель называется «Мария Терезия»! А это — разве не чудо: модель «Мерседес». Или вот какая милая шляпка: модель «Мисс Эрвин». Но особо мне нравится модель «Дофин». Это изумительно, не правда ли?

Жена удачного чиновника соглашалась со всем, потому что сравнивать ей было не с чем. Еще недавно сама перешивала шляпки, по три года носила одни башмачки и была рада-радешенька серенькому платьицу. Вовремя вспомнив, что теперь она солидная дама, Оленька сделала серьезную мордочку и спросила:

— А это действительно самые последние парижские моды?

Мадам Живанши позволила себе чуть печальную и чуть покровительственную улыбку. Как хорошо знала она всех этих дочек мелких чиновников и купцов, недослужившихся офицеров и разорившихся помещиков.

Как хорошо понимала, чего им хочется, когда вдруг открылись возможности, когда можно не экономить копейку и получать наслаждение от новых тряпок. Наквозь видела их Матильда.

— Дорогая моя, только в этом салоне найдете самые свежие модели. У меня осталось много друзей во Франции, где я училась искусству моды и провела семь самых счастливых лет.

— А разве моде надо учиться? — спросила Оленька. — В журналах картинки печатают.

— По картинкам шьют в дешевых салонах, могу подсказать хорошие...

— Нет, не надо, я у вас хочу...

Матильда пожалела барышню: и так растерялась от переживаний.

— Не изволите взглянуть на мои награды? — уже ласково спросила она.

Мадам Оноприна с облегчением избавилась от кофейной чашечки и отправилась за хозяйкой салона. С улыбкой торжества Матильда отворила стеклянную дверцу изящного шкафчика в стиле Людовика XV:

— Это мои скромные победы на пути к вершинам искусства моды, которых не достичь никому.

Оленька честно смотрела на зеркальный уголок и не могла понять, чем следует восторгаться. Не дождавшись обязательных возгласов, Матильда неприятно удивилась, но на всякий случай глянула внутрь шкафчика. И не справилась с чувствами:

— О, мой бог! Какое варварство! Какое коварство! Их украли!

• 7 •

Ванзаров лихорадочно пытался сообразить, на что намекает криминалист. Неужели упустил какую-то важнейшую и очевидную улику? Недосмотрел — и вот опозорился перед великим знатоком. Ай, как стыдно!

— Да не ищите всякую мелочь, — Лебедев легонько подоткнул юношу в спину. — Вот главная улика во весь рост: сам покойник.

— То есть прием убийства?

— А что же еще!

Забыв про угрызения и застенчивость, Ванзаров вдруг сказал:

— Позвольте, я буду рассуждать вслух, ну как бы сделал Сократ... Извините...

Лебедев только развел руками от восхищения.

— Ну уж порадуйте. Чтобы в полиции Сократа использовали — это трюк почище, чем кошелек у губернатора «притырить».

— Я немного знаком, то есть изучал систему его логики... И вот... Ну, то есть... Если, положим...

— Да не тяните, Родион Георгиевич! Я не пристав, безумно любопытно.

— Значит, так, — Ванзаров выдохнул страх. — Молодой человек явно не собирался умирать. Чисто выбрит, помылся, еще пахнет свежим мылом, руки холеные, хорошо ухоженные. К какому сословию принадлежит? Обеспеченному. Но одежда дешевая, не его. Для чего маскарад? Не хотел, чтобы узнали. Далее. В самую жарилу отправляется куда-то с коробкой, в которой сидит по-

слушная крыса. Зачем? Ответа нет. А предположения делать не будем. На Невском проспекте, в самом центре столицы, он получает смертельный удар в грудь. Почему в таком месте, зачем рисковать? Допустим, это показательная расправа. Но кого это устрашило? Да никого. Что остается? Для убийцы не оставалось другого шанса с ним расправиться. Времени не оставалось. А значит, это как-то связано с посылкой, которую нес погибший. Далее. Убийца настолько дерзок и хитер, что никто из прохожих не видит, что человеку всадили в сердце острый предмет. Что это значит? Это профессионал с твердой рукой. Но за последнее время таких происшествий по нашему департаменту не проходило. Почему? Потому что он воспользовался каким-то своим навыком...

— Позвольте встрять, — оживился Лебедев. — Могу добавить о способе убийства. Удар нанесен с очень близкого расстояния, буквально вплотную, снизу вверх, у злодея крепкая и, самое главное, — точная рука. Смею уверить: такой удар в сердце требует большого мастерства. Несчастный был какое-то время еще жив, и малейшее движение убило его. Так какая у него профессия?

— Не знаю, — признался Ванзаров. — Зато наверняка он — мужчина.

— Вывод неверный. И женщина может нанести один сильный удар. А уж коварный — без сомнения.

— Не в этом дело. Такое шило в руке долго нести невозможно, кто-нибудь на улице заметит, станет оборачиваться и тому подобное. А оно должно быть под рукой в любое мгновение. В женском платье его девать некуда — перчатки до локтя или манжеты слишком плотно прилегают. Другое дело мужской сюртук...

В нервном возбуждении Родион схватил шило и осторожно засунул в рукав, подвернув кисть. Оружие стало невидимым. Но как только обшлаг расширился, шило плавно выскользнуло прямо в ладонь, а шарик удобно уперся в пальцы. После чего не составило труда нанести разящий удар снизу вверх.

Лебедев одобрительно хмыкнул:

— Где это научились таким приемчикам гайменника?

— Просто логика. Убийца подошел к жертве так близко, как требовал удар, но несчастный ничего не заподозрил. Почему?

— Хотите сказать — его знакомый?

— Не совсем. Но почти уверен, что убийца — левша.

— Неужели по форме раны смогли определить? — с некоторой тревогой спросил криминалист.

— В этом я пока мало разбираюсь, — признался Ванзаров. — Тут логика. Как проще всего нанести такой удар в людном месте? Из-за спины. Почему? Те, кто идет по улице сзади убийцы, вообще ничего не поймут: мало ли что делает прохожий. А те, кто шел навстречу убийце, вряд ли смогут заметить быстрое движение рукой. Что получается? Удар левой рукой из-за спины. Убийца догнал, ударил и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Для этого он должен хорошо знать свою жертву, чтобы не спутать его спину с кем-нибудь. Исходя из этого, следует вывод: убийца никак не выше жертвы, а может быть, чуть ниже его. Убил и расписался.

— Это как же? — насторожился Лебедев.

— Обрывок с розой и стрелками был засунут в нагрудный карман. Как знак, что послание доставлено по адресу.

Выпалив логические умозаключения, Родион растерялся и теперь смотрел на старшего коллегу в тревожном ожидании: не ударил ли в грязь лицом? Примет ли великий криминалист рассуждения почти мальчишки?

Лебедев скрылся в раздумьях, а когда молчание стало уж слишком тоскливым, вдруг поднял крышку от шляпной коробки, заглянул внутрь и сообщил:

— Надо же, «Смерть мужьям».

Немым образом Ванзаров умудрился выразить фейерверк чувств, среди которых «ага!» и «ух ты!» были самыми слабыми.

— А! Так вы не знаете... Коробка эта из салона современных мод некой Матильды Живанши, называемого «Смерть мужьям».

— Что за жуткое название для дамского салона?

— На вывеске у нее «Салон m-le Живанши», а прозвище молва дала. И поделом. У Матильды безумные цены на платья, шляпки и прочую чепуху, без которой не может прожить ни одна дама. Каждый визит вытряхивает кошелек дочиста. Ну и бедные мужья отомстили как могли. Вот женитесь, не дай бог, тогда узнаете.

— Где он находится?

— Кажется, на углу Невского и Караванной. Это важно?

— Недалеко от этого места было совершено убийство.

— Неужто из салона мод крысу в коробке несли?

— Возможно совпадение. Вот если б животное могло говорить...

Блестящие бусинки грызуна трепетно смотрели на людей, которые так мало обращали внимания на такую

хорошую крысу. Животному хотелось общения, но оно было слишком хорошо обучено смирному поведению.

— Чтобы определить личность, потребуется время, — сказал Лебедев. — Если о пропаже не сообщат родственники, придется давать объявление в газете и устраивать открытое опознание. Меньше чем на неделю не рассчитывайте, коллега.

Если бы Ванзарову предложили на выбор: все богатства мира или услышать этот скромный эпитет из уст великого криминалиста, юноша не раздумывал бы и мгновения. Да за такое счастье стоило терпеть еще месяц каторги в участке. Его назвал «коллегой» сам Лебедев! В небесах вспыхнул транспарант: «Родион — все-таки великий сыщик!» Но юноша отогнал счастливое видение поскорей. И очень вовремя. Дверь медленно приоткрылась, в проем сунулось елеяное личико чиновника Матько:

— Родион Георгиевич, извольте в кабинет для допросов.

— Зачем? — дольно грубо спросил Ванзаров.

— Ну как же, сам господин пристав вам место уступили.

— Да в чем дело?

— Вас там ожидают.

— Меня?

— Разумеется, вас. Пришла дама, которой требуется самый лучший сыщик, а вы у нас один такой. — И Матько растворился вместе с улыбочкой.

— Все-таки крысы порядочнее людей, — вздохнул Лебедев. — Идите уж, лучший сыщик, я тут еще поколдую. Может, покойничек чем-нибудь поделится любопытным.

Внезапно Родион ощутил, что слово «сыщик» перестало приятно возбуждать и щекотать. Практически чисто.

• 8 •

Комнатка для допросов была устроена как нельзя хуже — на втором этаже, где было еще жарче, но зато по соседству с кабинетом самого пристава. Ванзаров решительным образом распахнул дверь, намереваясь быть строгим и солидным чиновником полиции, тем более для особых поручений, но застыл как столб, задохнулся и ослеп. На краешке протертого кресла, сносившего бесчисленное количество задов жуликов, воров, убийц и прочих отвратительных личностей, помещалось создание неземной красоты. В абрисе солнечного света, лившегося из окна, она показалась Родиону творением совершенно бесподобным, перед которым хотелось упасть на колени. Но будущий великий сыщик все же сдержался, насупил брови и для солидности хмыкнул. От дамы мучительно и призывно веяло модным ароматом «Черная маска».

Чтобы пояснить внезапную слабость Родиона Георгиевича, следует несколько бесцеремонно влезть в его частную жизнь. Ну что тут поделать, автора не выбирают. Так вот... К возрасту, в котором иные ретивые самцы уже обзаводятся законным потомством, Родион все еще пребывал в состоянии, какое деликатно можно обозначить «романтическим туманом». Не то чтобы он избегал женщин или, упаси бог, тянулся к своему полу. Совсем напротив, в мечтах позволял разнообразные шалости и трюки, но как дело касалось реальной барышни, трусость, переходящая в панику, овладевала стальным сердцем юного чиновника. Быть может, виной всему бы-

ла его матушка, которая прилагала чрезмерные усилия к тому, чтобы младший сынок поскорее надел ярмо семейной жизни. В каждой девушке Родион стал видеть будущую супругу, что приводило к легкой панике. Уж чего он точно не хотел — так это связывать себя семейными обязательствами. Какая семья, когда карьера великого сыщика ждет в нетерпении. Попав в мучительное противоречие, Родион знал женщин только с теоретической стороны, неплохо представлял их анатомию, особенно в части трупов, но когда дело касалось живого объекта, всякий раз случалось недоразумение. Видя красивую барышню, Родион с ходу влюблялся, начинал фантазировать, но тут же вспоминал о семейном долге и мгновенно остывал.

Незнакомка в кресле не стала исключением. Уж слишком призывно изгибался стан, охваченный кушаком, а юбка... впрочем, ее туалет уже известен. Но в этот раз исцеление пришло стремительно: на безымянном пальчике блеснуло обручальное колечко, и сама дама, обмахиваясь платочком, обдала таким холодным, изучающим взглядом, что несгибаемый Ванзаров смутился некоторых потертостей своих сюртука и брюк. Заложив руку за спину и распрямив торс, как мог, он строго спросил:

— Чем могу служить?

Дама еще держалась за крайний предел терпения, за которым у женщин начинается безысходная истерика. Жара и шутки чиновников сделали свое дело. Ожидала увидеть солидного, взрослого господина, которому можно доверить свою беду, а предстал коренастый юноша, чуть более полноватый, чем требовала мода, похожий на добродушного медвежонка, гладко выбритый, в не-

свежем костюме, возомнивший о себе невесть что, но при этом нервный девственник. Уж это дамы умеют почувать особым чутьем. Представший субъект не понравился прекрасной шатенке. Она не сочла нужным скрыть презрение и, скривив губки, спросила:

— Вы что, сыщик?

Остатки волшебного ореола развеялись. Слово, так много значившее для Ванзарова, прозвучало как ножом по стеклу и совсем поблекло. Но теперь Родион видел перед собой нагловатую особу, психологический портрет которой был составлен мгновенно: капризная истеричка, возможно, с бредовыми идеями, имеет детей, вполне состоятельна, изнывает от безделья, привыкла вертеть мужчинами, хитра, знает себе цену и умеет толково распоряжаться красотой, одета как картинка из журнала мод, тщеславна, любит быть в центре внимания. Дело, скорее всего, пустячное: или поссорилась с мужем, или пропал любимый пуделек. Спасибо собратьям-чиновникам, опять подстроили мелкую пакость. Придется тратить время на ерунду, когда ожидает такое дело.

— Чиновник десятого класса, коллежский секретарь Ванзаров, прислан в этот участок из Департамента полиции как чиновник для особых поручений от сыскной полиции, — отчеканил Родион служебную абракадабру. — Так в чем, собственно, дело?

Обилие титулов столь юного мужчины произвело на даму впечатление, и, резко сменив тактику, она одарила застенчивой, но чуть игривой улыбкой.

— Я просила, чтобы мне дали лучшего сыщика, ваши коллеги рекомендовали вас...

Яд лести опоздал, в душе Ванзарова царила сталь.

— Изложите дело, я очень тороплюсь.

— Вы такой милый и тоже хотите от меня отделаться?

Дама сделала драматическую паузу, а у Родиона заныло нехорошее предчувствие: так и есть — змея-искусительница. Или хитрая бестия, в лучшем случае.

— Уверяю вас, у меня не пустячное, а очень важное, трагическое дело...

— Позвольте...

— Я супруга титулярного советника Министерства иностранных дел Екатерина Павловна Делье, — представилась дама с таким значением, будто фамилия ее мужа горела аршинными буквами над всеми столицами Европы.

Тем не менее имя было знакомо Ванзарову исключительно в силу родственных обстоятельств, говорить о которых сейчас не время. Это никак не изменило мнения о визитерше, но заставило изобразить вежливый поклон.

— К вашим услугам, — повторил Родион Георгиевич. — Что привело вас в полицию?

Госпожа Делье словно собралась с силами, не забыв оправить шу на шляпке, а также разгладить кончики блузы, и сообщила:

— Так знайте: произошло жуткое преступление!

Умение составлять мгновенный психологический портрет, натренированное для карьеры сыщика, не подвело. Ванзаров невольно зажмурился: так и есть, ненормальная истеричка.

• 9 •

Господин, одетый на манер англичанина, провел в 3-м участке Спасской части уже полчаса, а такого времени вполне достаточно, чтобы любой нормальный человек, не жулик или грабитель, закипел, гневно оскорбляя и грозя жуткими карами, чем наваривал себе лишнее наказание. Титулярный советник Анучкин честно старался довести задержанного до белого каления, долго и мучительно составляя протокол. Но наглец только улыбался, даже золотое пенсне не снял, и опять спросил:

— Так в чем же меня обвиняют?

— Повторяю, господин... — Анучкин нарочно заглянул в протокол, хоть и помнил фамилию, тут ведь важно, чтоб задержанный прочувствовал себя никем, — господин Карсавин, вы злостно нарушили введенный в нашей столице порядок управления велосипедом. Что написано в правилах? Зачитываю: «Каждый велосипед, при езде на нем по городу, должен быть снабжен выданным на этот предмет из канцелярии господина градоначальника номерным знаком, прикрепленным сзади велосипеда так, чтобы знак этот не был закрыт сумкой или одеждой. Кроме того, обязательно иметь звонок, а с наступлением темного времени — зажженный фонарь». Фонарь есть? Фонаря нет.

— Но ведь сейчас ясный день, зачем фонарь?

— Вдруг — гроза и сумрак упадет? А вы — без фонаря. Нарушение. Далее: где номерной знак?

— Велосипед куплен только вчера, не успел.

– Надо, господин Карсавин, закон соблюдать... Столько народу напугали... Я уже не говорю о лошадях... Вон что городской в рапорте докладывает...

– Голубчик, это абсурд, – сказал господин и так мило улыбнулся, что Анучкину расхотелось его уличать. На какое-то мгновение. Но жара и прочие трудности взяли свое. Чиновник нахмурился и веско сказал:

– Правила для всех писаны... Что в них написано? Читаем: «Во время езды по городу велосипедист обязан иметь разрешение при себе и предъявлять его по требованию полиции». Покажите разрешение...

– Где его получать?

– Эх, господин Карсавин! На велосипед сели, а таких простых вещей не знаете... Ладно, будем составлять. Происшествий мало, так что завтра во всех газетах заметка появится. Спасибо репортерам, помогают полиции бороться с этой заразой велосипедной...

Наконец-то чиновник попал в чувствительную точку. Господин задержанный полез в карман, извлек кожаное портмоне и невинным голосом спросил:

– Какую посильную помощь могу оказать защите правопорядка?

Анучкин немедленно принял гордый вид, кашлянул для значительности и уткнул палец в правила:

– Обращаю ваше внимание: «Лица, виновные в нарушении сих правил, помимо административной или судебной ответственности, могут быть по усмотрению господина градоначальника лишены права езды на велосипедах по городу временно или навсегда»...

На столе сама собой появилась десятирублевая купюра, новенькая, только что введенная в оборот, а потому

чрезвычайно популярная у горожан и меняльных контор. Как волшебюо возникла, так и исчезла.

— ...Но, учитывая ваше полное и искреннее раскаяние, полиция считает возможным простить на первый раз такое правонарушение. Но больше не нарушайте.

Бумага протокола, тщательно разорванная и смятая, отправилась в мусорную корзину. Господин благодарно поклонился и попросил выкатить велосипед на улицу. Заодно пообещал не ехать, а вести в руках, завтра же непременно получить все разрешения и номера.

— Это невозможно, — улыбунулся чиновник Анучкин. — Наказание вам отменено, но велосипед без номерного знака реквизируется полицией. Всего доброго.

Господин в золотом пенсне пробормотал тихое проклятие и вышел из участка. Что мало встревожило титулярного советника. Сынок так давно просил велосипед: будет ребенку дорогой подарок на именины.

● 10 ●

Сообщив столь сногшибательную новость, госпожа Делье, вероятно, ожидала, что чиновник полиции кинется сломя голову на выручку или хоть поднимет по тревоге роты столичной полиции. Но упрямый «бычок», как она прозвала его про себя, продолжал таращить на нее миленькие глазки, чего уж тут скрывать, но явно демонстрировал отсутствие горячего интереса.

— Значит, жуткое преступление? — переспросил он в довольно развязной манере.

Этого было достаточно, чтобы терпение Екатерины Павловны лопнуло, и срывающимся голосом она изложила все, что думает про полицию вообще и про всяких мелких чиновников в особенности.

Хорошенький «бычок» выслушал ее причитания с омерзительным холодным спокойствием — и откуда в таком возрасте, подумайте, взялась этакая выдержка! — и как ни в чем не бывало спросил:

— Так в чем жуткое преступление?

Больше всего Екатерину Павловну задело, что этот пухленьш не реагирует на ее чары, и, попробовав последний аргумент — слезы, окончательно в этом убедилась. Чиновник полиции преспокойно наблюдал, как она заливается, и только бесчувственно предложил воды.

Терпеливо снеся истерику барышни, Родион Георгиевич повторил свой вопрос.

— Вы такой юный, а уже очерствели душой! — вскрикнула Екатерина Павловна. — Как это ужасно.

— Госпожа Делье, я уже третий раз пытаюсь добиться от вас: что случилось. Хотя если точно — в четвертый. А вы не даете мне ни малейшего шанса.

— Убийство! — крикнула вполне жалобно Делье.

— Кого? Когда? Где?

«Нет, он законченный сухарь, ничего его не берет», — с досадой подумала Екатерина и спросила:

— Вы обещаете мне помочь?

— Все, что будет в моих служебных возможностях. Так с кем случилось несчастье?

— С моей подругой.

— Почему не вызвали полицию?

— Ну я не вполне уверена... Хотя ничего другого и быть не может!

Родион стал сомневаться в психологическом портрете: кажется, барышня всего-навсего хорошенькая дура. Или что-то уж очень хитрит. Для чего вся эта сцена со слезами? Чтобы потом ляпнуть откровенную глупость?

— Извините, я вас не понимаю, — признался он.

Екатерина Павловна как-то сразу перестала притворяться. Оказывается, сегодня утром она пришла в дом к подруге, чтобы поздравить с именинами. Долго звонила, но ей не открыли. Спустившись во двор, увидела, что окна открыты для проветривания, чего не могло бы быть, если бы в квартире никого не осталось. Дворник пребывал в состоянии печального отупения от жары и не мог вспомнить, выходила ли госпожа Грановская. Встревожившись, Екатерина пришла в участок и стала телефонировать на квартиру. Но никто не ответил.

— Не вижу причин для беспокойства. Ваша подруга могла, например, уехать, — предположил Ванзаров.

— Да как вы не понимаете, у нее именины! Аврора сидит дома и получает от гостей подарки. Она их просто обожает. Даже если бы выбежала на минутку, в доме остается горничная. Но никто не отвечает!

— А муж?

— Он на службе с раннего утра.

— Так близко знаете распорядок их семьи?

Екатерина Павловна осадилла намек чиновника полиции строгим взглядом:

— Грановский — известный адвокат. Не вылезает из судебных процессов. Вы не могли не слышать эту фамилию.

Да, возможных врагов грядущих судебных заседаний Родион изучал заранее. За последний год фамилия Грановский стала много значить для юридического мира столицы: восходящая звезда юриспруденции, молодой адвокат, который за короткое время сумел выиграть три сложных гражданских дела подряд. Опасный враг для сыщика. И все же прозвучавшая фамилия придала совершенно новый смысл истерическим стенаниям. Вернее — смысл в них, наконец, появился.

— Надо срочно отправиться к ней на квартиру и выяснить, что произошло, — приказала хорошенькая барышня.

— И все же, с чего взяли, что с вашей подругой случилось такое несчастье?

— Да просто поверьте! Поверьте, и все! — закричала Екатерина. — Не время объяснений, надо спешить!

— Ей кто-то угрожал?

— Да что же это, в самом деле! Вы человек или инструкция ходячая? Говорят вам — случилось несчастье! Помогите!

Наконец убедившись, что мадам Делье обрела необходимый градус искренности и дальше изводить женщину бесполезно, Ванзаров примирительно сказал:

— Так и быть. Отправлю с вами двух городовых.

— Нет, умоляю! — Отложив зонтик, Екатерина стала заламывать хорошенькие ручки. — Без вас и шагу не ступлю! Я знаю, что с Авророй произошла беда. Вы нужны там! Будьте милосердны к мольбам женщины.

Это был удар ниже пояса. Как ни крепился Родион, но и его стальному характеру пришлось поддаться. Страх и трепет жены дипломата были чрезвычайно искренни

